

Когда все уснули, я встала и переоделась. Сяньсянь почувствовала движение и приподнялась, чтобы спросить, в чём дело, но я приложила палец к губам, и она, поняв намёк, молча вернулась на место, делая вид, будто ничего не происходит. Я тихо вышла из бокового павильона и, обойдя внутренние галереи, направилась к покоям Вэй Хуань.

Матушка обошлась с ней довольно милостиво, не выставив строгой охраны. Придворные же, глядя на её нынешний статус, и вовсе проявляли небрежность. Кроме двух юных евнухов, дремавших у входа, вокруг ни души.

Ныне времена были иные. Я осторожно постояла у её двери, затем подкралась к окну и уже собиралась прислушаться, не слышно ли внутри голосов, как в щели между створок показалось лицо. Вэй Хуань смотрела на меня с едва уловимой улыбкой, приоткрыла раму и тихо сказала: «Залезай».

Я ловко протиснулась в окно и вскарабкалась внутрь. В покоях была лишь служанка Цици, которую Вэй Хуань уже отослала в наружные комнаты. В просторном зале остались только мы вдвоём.

Я невольно обняла её, прошептав на ухо: «А-Хуань». Она ответила мне тем же, тихо выдохнув: «Тайпин». Больше слов не было, только беззвучные слёзы, что катились по её щекам и мочили моё плечо. У меня накопилось тысяча вопросов, но под напором её молчаливого плача я лишь вздохнула и тоже разревелась. Спустя некоторое время я подняла голову, вытерла слёзы и, внутренне корила её за опрометчивость, но, помня, что она только что пережила крутой переворот, не стала настаивать и лишь тихо заговорила: «Матушка намерена выделить место во дворце и перестроить его в „Двор ста внуков“. Там будут жить все императорские внуки, включая тебя и Шоули. Я подумала: самое подходящее место — рядом с дворцом Етин, вдали от передних залов и главных покоев. Скорее всего, вас поселят именно там. Завтра я начну обустраивать усадьбы в кварталах Сюйдэ и Фусин. Если вы действительно переедете, просто пошли кого-нибудь из Етина ко мне с весточкой — я сразу узнаю. Если у меня будут письма, я тоже стану отправлять их туда, а ты сможешь их забирать».

Вэй Хуань не отвечала, лишь обхватила меня руками и не отрывала взгляда.

С тех пор, как я впервые познала близость, прошло почти год, и от её объятий всё внутри затрепетало. Я едва сдерживалась, но, помня об опасности, принялась мягко отстранять её: «Давай посидим спокойно и поговорим. Потом я уйду. Сейчас непростая пора. Матушка опасается Эрлана и Шоули, и нам надо быть настороже».

Она всё не отпускала. Лишь после нескольких моих напоминаний медленно разжала руки и, опустив глаза, промолвила: «Ты совершила для меня такой великий поступок, а сама даже расспросить не хочешь?»

Да как же не хочу! Но, оглядываясь назад, понимаю: всё и так было ясно как день, спрашивать попросту не о чем.

Когда-то мы обе об этом думали, и я настойчиво просила её быть начеку. Однако она лишь твердила, что у неё всё под контролем. Я же, по привычке полагаясь на её ум и находчивость, решила: раз она так говорит, значит, и вправду знает, что делать. Да и сама я считала, что матушка, несомненно, сделает ставку на Шоули — по примеру сяньбийцев Северных династий, принудив Ли Жуя стать почётным императором. Она рассчитывала на Шоули как на козырь, а я полагалась на неё. В итоге ни одна из нас по-настоящему не подготовилась, и когда грянула беда, мы метались в растерянности. По заслугам нам.

Хотя, если вдуматься, даже если бы мы с самого начала знали, что матушка возведёт на престол Фэнцзе, мы всё равно ничего не смогли бы поделать. Для нас матушка была подобна горе Тайшань, а мы — лишь жалкие холмики. Пусть Вэй Хуань и необычайно умна, она всё же неопытный телёнок — как ей сравниться с матушкой, которая десятилетия держала в руках бразды правления и к тому же обладала всей полнотой власти как регентша? При её нынешнем положении, даже если бы она втайне переметнулась к матушке, та, пожалуй, сочла бы её недостойной. То, что ей позволили жить вместе с Ли Жуем, сохранив прислугу и пожитки, — уже величайшая милость. Взгляни на прежнюю супругу наследного принца, госпожу Пэй, — и поймёшь, как же нынешней Вэй ещё повезло.

События последних одного-двух дней, конечно, потрясающи. В летописях они займут достойное место, и потомки будут вспоминать их вновь и вновь. Но для нас, оказавшихся в самой гуще, всё произошло в одно мгновение. Пока Цю Шэньцзи вёл допрос Ли Шэна, матушка уже тайно отправила людей, чтобы те доставили в столицу всех его сыновей. Как только разнеслась весть о смерти Ли Шэна, она призвала Пэй Яня, собрала чиновников и императора в зале Тайцзидиань. Ли Жуй, явившись, полагал, что собрание посвящено кончине Ли Шэна. Сидя на троне, с покрасневшими глазами, он тут же начал: «Эрлану можно посмертно пожаловать титул Цзе Минь». Но матушка велела стащить его с престола, зачитала заранее составленный указ о низложении, усадила на трон Фэнцзе — и всё завершилось, когда чиновники склонились в поклоне. Говорят, Ли Жуя выволокли из зала, а он всё твердил: «В чём моя вина?» Не ведая, что сам факт его восшествия на престол и был величайшим преступлением. Забавно, что в тот же день матушка уже утвердила для Ли Шэна посмертный титул «Чжао Су», а указ о посмертном пожаловании ему титула князя Юна и звания Кайфу итун саньсы был издан от имени нового императора вслед за указом о низложении — и всё в том же зале Тайцзидиань, вскоре после изгнания Ли Жуя.

Оглядываясь назад, всё кажется ясным, будто иероглифы, выведенные толстой кистью на белой бумаге. Но заранее мало кто мог это предугадать — даже я, знавшая ход истории.

То, что матушка впоследствии достигла таких вершин, объясняется её неординарными способностями. А нам оставалось лишь безмолвно терпеть, дожидаясь, пока не завершится этот исторический период и не наступит следующий. Вот только и наш период окажется недолгим. Скоро мы сгинем в бурном потоке истории, превратившись в несколько беголо набросанных имён на страницах летописей. Поскольку мы женщины, нас, скорее всего, и вовсе не удостоят личных имён. Я буду «второй дочерью Гао-цзуна, пожалованной в принцессы Чанлэ», а она — «супругой императора из рода Вэй» или «простой Вэй». Высок ли наш статус, низок ли — всё зависит от прихотей старца-судьбы.

Я не хотела ничего спрашивать. Я лишь желала тихо смотреть на неё, обнимать её, хранить эти редкие, принадлежащие только нам мгновения, смаковать чувства, что были моими, Ли Тайпин, а не второй дочерью Гао-цзуна и любимицей У Цзэтянь. А затем — вернуться в свои покои и смиренно нести звание принцессы Чанлэ.

Я невольно вздохнула. Вэй Хуань, сама нахмуренная, протянула руку и провела пальцами по моим бровям: «Такая юная, а уже хмуришься? Состаришься раньше времени — муж разочаруется».

Я схватила её руку, хмурясь ещё сильнее: «Ты же знаешь, что я люблю тебя. К чему говорить такое?» И упоминание о моей молодости, и о муже — в такую-то минуту! — резали мне слух.

Но она продолжала: «Именно потому, что ты меня любишь, а я люблю тебя, я не желаю видеть, как ты сама себя принижаешь. Твой муж — статный, видный мужчина, известный красавец...»

С ней творилось что-то неладное.

Я подняла на неё взгляд и увидела натянутую улыбку. Встретив мои глаза, она поспешно отвернулась, стараясь казаться беззаботной: «Покойный император и государыня-мать выбрали тебе этого супруга, потратив немало сил. Цени его».

Я пристально посмотрела на неё: «А-Хуань». Я хотела увидеть её лицо, но она неестественно отворачивалась. Я потянулась, чтобы взять её руку, но она отдернула её, присела на корточки и взглянула на меня снизу вверх. Только тогда я заметила, что губы её побелели, а глаза покраснели. Заметив мой взгляд, она резко задрала голову, сжав губы.

«А-Хуань», — позвала я, и с каждым разом сердце сжималось от боли. Я поймала её руку, желая утешить, но не знала, с чего начать. В конце концов я просто придвинулась ближе, обняла её за плечи и тихо прошептала: «Всё прошло. Не надо... бояться».

Я всегда считала её умнее, расторопнее меня, думала, что ей всё по плечу. И забыла, что ей всего семнадцать — в моём прошлом мире она была бы старшеклассницей, а в моём университете её, наверное, дразнили бы «соплячкой». А здесь она уже считается матерью ребёнка, успела побывать государыней целой страны, а теперь стала княгиней Лулин, чья судьба висит на волоске. Эта умная, проницательная, расчётливая бывшая императрица из рода Вэй, что пыталась тягаться с правящей регентшей и потерпела сокрушительное поражение, до сих пор была всего-навсего полуребёнком.

Истории до неё нет дела. А мне — есть.

Не знаю, она ли первая поцеловала меня, или я её, — но всё произошло само собой.

<http://bllate.org/book/16278/1466989>